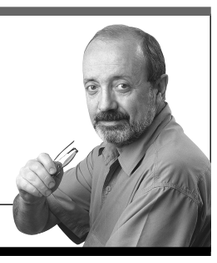
РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ/www.rusfond.ru

Удвоение РФП



Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

Российский фонд помощи (РФП) подвел итоги деятельности за 2004 год. Получилось больше $2,3 млн. Эти деньги достались сотням больных детей и инвалидов, сиротским учреждениям и больницам. Помимо оплаты лечения и протезирования читатели „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru вкладывались в покупку средств производства (от коров до автомобилей и компьютеров), бытовой техники и одежды, медицинского и учебного оборудования. Объемы сборов за минувший год почти вдвое превышают результаты работы РФП в 2003 году ($1,2 млн). Страна на пороге благотворительного бума, считает руководитель фонда.

Последние пару лет меня не покидает ощущение непрерывной гонки за лидером, у которой нет финиша. Причем лидер— это читатели, а у фонда роль догоняющего. И хотя это ощущение во многом виртуально (никто формально нас не подгоняет), мы действительно превращаемся в гонщиков. Сейчас объясню, в чем тут дело. Пару лет назад мы сами поставили себе задачу «сделать» за год миллион долларов. Дело прошлое, надо признать, что в той задачке поначалу было больше куража, чем возможностей. Но существовал и вполне оправданный мотив. Отчаянных писем в почте РФП все больше, в отличие от числа публикаций, которое неизменно.

И вот когда гонка началась, вдруг обнаружилось, что читатели и впрямь не прочь давать больше. Надо только уметь правильно принять их дары. Грамоте фандрайзинга (поиска средств под конкретные проекты) мы учились по ходу дела и действительно собрали в 2003 году $1,2 млн. А в 2004 году объемы читательской помощи вновь выросли почти вдвое, и непохоже, что финиш близок. Мы на пороге благотворительного бума в стране. Собственно, он уже начался, в Москве это особенно заметно. Не видят этого, по-моему, только федеральные власти. Но тут отдельная тема.

Мы начали свою гонку, заключив договоры с клиниками, наиболее популярными у авторов просьб. Мы сконцентрировали в этих клиниках все направления помощи, популярные среди наших читателей: детская онкология, врожденные пороки сердца, сколиозы, ДЦП. Суть договоров сведена к учету и отчетности по читательским взносам. И каждый «лишний» рубль, если таковой окажется, зачисляется на счет следующего больного, чья просьба проверена в РФП. В сущности, безотходное производство.

Кроме того, в 2004 году мы предложили читателям принцип matching gifts (совместные дары). Это западная технология внутрикорпоративного пиара делает сотрудников компании персональными участниками ее благотворительных акций. В почте РФП все больше просьб, где цена спасения исчисляется десятками тысяч долларов, и обращение к читателям за всей суммой тут бесперспективно. Но если заранее заручиться помощью постоянных дарителей, которые обеспечат половину требуемой суммы, то сбор второй половины становится вполне реальным. Наши matching gifts в 2004 году поддержали несколько организаций, в том числе российская компания «Ингосстрах», американский фонд «Русский дар жизни», и это сотрудничество продолжается.

Я хочу сделать вам, уважаемые друзья, новое предложение. Мы готовы поддержать ваши благотворительные проекты, в которых популярные у читателей направления помощи (скажем, помощь сиротам) объединятся с принципом matching gifts. Это можно сделать так. Кто-то из вас, частное лицо или компания, определяет направление, регион, стоимость проекта, вносит свою часть цены, остальное соберет РФП. Это может быть анонимный некто. Еще интересней, если это будет человек или компания, решившие сделать благотворительность имиджевой составляющей своего бизнеса. Как всегда, РФП гарантирует правдивость просьб, адресность вашей помощи и целевое ее использование. Как всегда, мы готовы к обсуждению ваших встречных инициатив.

А теперь о ваших добрых делах в минувшем декабре. Последняя новость: у семьи Дворяниновых теперь есть собственная квартира в Реутове (Подмосковье), и постоянное наблюдение их выздоравливающего малыша в Москве больше не проблема.

Оплачены: операции по поводу пороков сердца на сумму 982 776 руб. томичам Саше Коваленко (8 лет), Вале Громышеву (1 год), Диме Чучукову (4 года), Володе Кононову (17 лет), Тане Величко (8 лет) и Косте Зубкову (3 года, Кемеровская область); операции по поводу сколиоза Алексею Волобуеву (18 лет, 210 680 руб., Кабардино-Балкария), Ираиде Тимофеевой (15 лет, 214 694 руб., Чувашия), Ульяне Поджюнайте (13 лет, 192 080 руб., Алтайский край); лечение ДЦП Денису Иванову (2 года, 144 550 руб., Рязанская область); медпрепараты Сергею Нечаеву (17 лет, трансплантация почки, 107 208 руб., Ярославская область) и Васе Демчуку (1 год, цитомегаловирусная инфекция, 83 670 руб., Санкт-Петербург).

Отправлены: 50 274 руб. на цифровые слуховые аппараты Паше Шишкину (5 лет, Московская область); Лане Кимельфельд — телевизор «Шарп» и 28 556 руб. на спецпитание ее сыну-инвалиду (Москва).

Помогли: фонд «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США), Виктория от руководителя, фирма «Бэскит», Владислав, Александр Георгиевич (все — Санкт-Петербург), Олег и Анжела (Ленинградская область), Алексей (Нижний Новгород), Марина (Екатеринбург), Альберт (Казань), Марина (Чита), ОСАО «Ингосстрах», Эдуард, Владислав, Юлия, Андрей Сергеевич, Анатолий, Владимир, два Сергея, две Марии, Анна, две Татьяны, Андрей, три Александра, Марк, Ирина от руководителя, два Алексея, две Анастасии, Олег, Михаил, Ольга и Александр, Павел, Раиса, Константин, Марина, Роман, Кирилл, две Елены, Петр, Никита, Ольга, Сергей Константинович, Ирина, Мария от компании, Татьяна Альбертовна, Елена Смирнова (фонд «Созидание»), Екатерина, Игорь Сергеевич, Мадлен, Оксана, Николай и Анна, Надежда, Антон, Валентин Иванович (все — Москва). Спасибо!

Семи лет мало

У Лены Киселевой хронический лейкоз стал острым

Лена Киселева заболела хроническим лейкозом четыре года назад. Все эти годы ее лечили понемногу таблетками, и девочка в общем неплохо себя чувствовала. Но совсем недавно она вдруг перестала отвечать на лечение. То есть таблетки дают, а состояние ухудшается. Быстро ухудшается.

Лене восемь лет. Она сидит напротив меня за игрушечным столиком в отделении онкогематологии детской клинической больницы и улыбается. Она смешно улыбается, потому что молочные зубы уже выпали, а коренные еще не совсем выросли. Она рассказывает, что живет в поселке Подвязновский Ивановской области и однажды, давно, поехала в санаторий. И там она вместе с другими детишками одевалась в красивое платье и учила стихи для новогодней елки. И там же, в санатории, у нее началась болезнь, заключающаяся в том, что все время берут кровь из пальца или из вены, а иногда берут даже «пунскую» из кости.

— Пункцию,— поправляет Ленина мама Валентина Сергеевна.— Понимаете, у нас четверо детей, семья считается многодетная, поэтому нам дали для Лены путевку в санаторий, и она поехала на месяц в 2000 году, в декабре. 28-го числа она должна была вернуться, но 26-го мне позвонили из санатория и сказали, чтоб я скорее забирала ребенка, потому что у ребенка что-то с кровью.

Лена оглядывается на маму, чтоб сразу перестать неправильно произносить слова, если случится вдруг произнести какое-нибудь слово неправильно, и рассказывает, что очень радовалась преждевременному приезду мамы в санаторий, потому что очень неприятно, когда все время колют то палец, то вену. И не очень даже жалела о не прочитанных на новогодней елке стихах.

А Ленина мама кивает:

— Я спрашивала, можно ли девочке остаться на утренник, но мне сказали — нельзя. Я приехала за ней и плакала, но мне сказали, чтоб я не плакала, потому что теперь все болезни лечатся.

И Лена рассказывает дальше. Она рассказывает, что ее повезли в Москву и стали делать пункцию. А пункция — это когда надуваешь шарик, а потом смотришь, как мама склоняется над тобой и на лице у мамы рот, глаза и нос меняются местами, и от этого сначала страшно, а потом засыпаешь. Валентина Сергеевна кивает:

— Это она про наркоз рассказывает. Мы приехали в Москву в онкологический центр Блохина, и там нам поставили «хронический миелолейкоз». И дали бумагу, которая называется «протокол 2000», то есть, грубо говоря, это такая бумага, в которой для ивановских врачей написано, как лечить хронический лейкоз, потому что в Иванове 12 лет ни у кого не было хронического лейкоза. И еще в этой бумаге написано, что мы сами должны покупать лекарство, а лекарство стоит 900 рублей в день. Как-то странно,— пожимает плечами Валентина Сергеевна,— государство вроде обо всех позаботилось, а про нас почему-то забыло. Лена получает 1320 рублей пенсии по инвалидности, а я — 120 рублей пособия по уходу за больным ребенком. Даже на два дня не хватит купить лекарств.

Лена улыбается и рассказывает, что к ней приходит учительница и учит ее суффиксам, потому что зимой Лена почти не выходит из дома, а играет в кукол Барби, из которых одна фея, а другая — русалка. И еще играет, как с куклой, с полугодовалой сестренкой Катей.

«Пункция,— говорит Лена,— это когда надуваешь шарик, а потом смотришь, как мама склоняется над тобой и на лице у мамы рот, глаза и нос меняются местами, и от этого сначала страшно, а потом засыпаешь» ФОТО ИГОРЯ РОДИНА

— Ей становилось все хуже,— говорит Валентина Сергеевна.— Мы поехали в Москву, только уже не в онкоцентр, а в Российскую детскую клиническую больницу, и тут нам дали лекарств и сказали, что понадобится родственный донор для трансплантации костного мозга. И мы тогда родили Катю — не просто потому, что хотели еще ребенка, но и потому, что очень часто у братьев и сестер одинаковый костный мозг. Но Катя не подошла. У нее другой костный мозг.

Мы сидим за игрушечным столиком, а по коридору мимо идет американский волонтер, одетый клоуном. Кроме клоунского носа и клоунского парика на нем еще стерильные бахилы и марлевая маска. И Лена ничего мне больше не рассказывает, а бежит за клоуном смотреть, как тот будет показывать фокусы. И мама идет за ней следом. И рассказывает уже доктор Михаил Масчан.

Доктор рассказывает, что хронический миелолейкоз очень медленно развивается. И в течение пяти примерно или семи лет можно успешно сдерживать рост раковых клеток в крови. Со взрослыми так и делают. Взрослым просто продлевают жизнь на пять или семь лет. Но детям семи лет мало, и дети, в отличие от взрослых, в 80% случаев способны перенести трансплантацию костного мозга. Поэтому детям задерживают развитие болезни и ищут донора, чтобы, когда организм ребенка перестанет отвечать на лекарство и раковые клетки в крови станут вдруг размножаться как сумасшедшие, пересадить костный мозг.

Лена смеется и хлопает шуткам клоуна. Она смеется, хлопает и прыгает от восторга. А доктор Масчан рассказывает, что ее хронический лейкоз уже стал острым. Ее организм уже не отвечает на терапию, и раковые клетки в крови уже размножаются как сумасшедшие.

А донор все еще не найден.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Лену Киселеву спасут 439,7 тыс. рублей

Заместитель директора НИИ детской гематологии Галина Новичкова тоже считает, что Ленин хронический миелобластный лейкоз уже перешел в фазу акселерации-I. Это начало выхода болезни из-под контроля: «Сейчас вам никто не скажет, как долго еще удастся контролировать ее лейкоз». Трансплантация чужого костного мозга в Ленином случае по заключению консилиума специалистов Российской детской клинической больницы и НИИ детской гематологии — единственный излечивающий выход. К несчастью, геноидентичного донора для Лены не существует, поэтому необходим поиск неродственного донора в Международном банке костного мозга (Германия). Стоимость процедуры поиска и доставки в Россию оценивается в €15 тыс.

Кроме того, госпожа Новичкова уверена, что Лене Киселевой потребуется специальная лекарственная подготовка перед операцией, снижающая риск осложнений, вызываемых трансплантацией. «Эти реактивы обойдутся еще в €6 тыс., они, так же как и поиск донора, не входят в перечень бесплатных медицинских услуг, предоставляемых государством».

Таким образом, для спасения Лены Киселевой требуется €21 тыс. ($27 216 при курсе евро к доллару 1,296). Согласно договоренности между Российским фондом помощи (РФП) и компанией «Ингосстрах», она внесет $11 500 (подробности на сайте www.rusfond.ru). Таким образом, не хватает $15 716 (439,7 тыс. рублей). Валюту свыше €5 тыс. можно отправить напрямую в Германию, а любые суммы в рублях — на московскую сберкнижку мамы Лены Валентины Киселевой, которую для нее открыл фонд. Счета и банковские реквизиты можно получить в РФП.

ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Из свежей почты

Валя Фомичева, 14 лет, сколиоз IV степени, спасет операция в Новосибирском НИИТО. 192 080 руб.

Искать помощи у вас заставила жалость к девочке, которая мне формально чужая. Валя — дочь мужа от первого брака. Она подружилась с двумя моими детьми, я старалась накормить и приодеть ее. Девочка умная, мы перевели ее в гимназию, где учится мой сын. Когда я заметила у Вали искривление позвоночника, забила тревогу, но мать не отреагировала. Я отвезла девочку в НИИТО. Врачи сетуют: поздно де обратились, процесс необратим, надо оперировать. Сейчас Валя у нас. Очень страдает, боится остаться инвалидом. Она надеется на нас, взрослых, и мы поддерживаем в ней веру в выздоровление. Но как же быть, ведь оплатить операцию мы не в силах! Жизнь на Сахалине дорогая, заработков едва хватает. Оба работаем в ЖЭУ, муж электриком (7000 руб.), я завскладом (6000 руб.). Впятером живем в служебной двухкомнатной квартире, копейки считаем. Валя стала мне родной, больно видеть ее мучения. Никогда ни о чем не просила, но это ведь особый случай, правда? *Людмила Лысенкова, Сахалин*

Завотделением вертебрологии Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Тяжелый сколиоз. Помимо грубого косметического дефекта есть признаки несостоятельности сердечно-легочной системы. Оперировать необходимо, и поскорей».

Ангелина Шамова, 2 года, врожденный порок сердца, необходима срочная операция. 145 250 руб.

(Внимание! Половину стоимости внесет фонд «Русский дар жизни», подробности на сайте www.rusfond.ru. Не хватает 72 625 руб.)

После рождения сына я перенесла две операции и долго лечилась от бесплодия. Мы уж и не мечтали о дочке, но 14 июля 2002 года, в день святой Ангелины, родилась замечательная девочка. А через восемь месяцев вдруг диагноз: врожденный порок сердца. Узнав, что в Томске закрывают дефект в межпредсердной перегородке специальной заплаткой без вскрытия грудной клетки, обратились туда. Оказалось, все реально. Но когда назвали стоимость этой заплатки, 145 250 руб., мне стало плохо. Муж слесарь в жилконторе, приносит 5 тыс. руб. Сын — студент. А я при Геле: в детсад ей нельзя. Вредны любые нагрузки, даже плакать нельзя. Она всегда бледная, с синевой вокруг губ и часто болеет. Мы обращались повсюду, все сочувствуют, но и только. Так горько, что не могу помочь ребенку, которого ждала 15 лет. Умоляю о милосердии, спасите девочку! *Вера Шамова, Кемеровская область*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ СО РАМН Сергей Иванов (Томск): «Дефект в самом центре перегородки, и это идеальный случай для эндоваскулярного закрытия с помощью окклюдера (заплатки). Риск минимальный. Но ликвидировать дефект надо срочно: есть признаки легочной гипертензии».

Саша Суворов, 7 лет, нейросенсорная тугоухость III–IV степени, нужны цифровые слуховые аппараты. 59 109 руб.

Сашенька родился слабеньким, со стафилококковой инфекцией, и уже в роддоме получал антибиотики. А в полтора года его лечили от гриппа гентомицином. И малыш оглох на оба ушка. Как общаться с глухим ребенком, как учить говорить, куда кинуться за помощью? К счастью, моя сестра близко к сердцу приняла нашу боль. Она переучилась на сурдопедагога и убедила меня поступить в педуниверситет. Будущее Саши уже не кажется беспросветным. Мы очень много занимаемся. Но в маломощных аппаратах «Аудит» Саша недослышит и поэтому еще нечетко говорит. Ему нужны цифровые аппараты, а они очень дорогие. Муж у меня работает за 3000 руб., а я сижу с грудной Леночкой, и соцзащита не поможет. Надежда только на вас. *Оксана Суворова, Краснодарский край*

Врач сурдоцентра «Отофон» Татьяна Куку (Москва): «С Сашей так усердно занимаются, что говорит он вполне прилично. „Аудиты“ ему совсем не подходят. Без цифровых аппаратов слух у малыша снизится. Ему нужны мощные семиканальные аппараты. Они дадут шансы на нормальное развитие и социальную адаптацию».

Сергей Мошкин, 22 года, болезнь Бехтерева, необходимо эндопротезирование в Новосибирском НИИТО. 246 760 руб.

Как передать нашу боль и отчаяние? Сергей и Наташа родились здоровыми, мы были счастливы. Беда пришла в 1988 году. Тяжело заболел муж и сразу получил инвалидность. У него болезнь Бехтерева. Вскоре заболел и сын Сергей. Так же тяжело, как и отец, с тем же диагнозом. В 11 лет жизнь для мальчика остановилась. Вчера гонял в футбол, а сегодня — костыли и боль, не отпускающая даже во сне. Мы делали все (лечение, массаж, санаторий), а суставы продолжали разрушаться. Эта страшная болезнь передается по мужской линии, но у мужа в родне такого не было, и причина неясна. А когда в 14 лет заболела и дочка, я испытала шок. Я оставила работу. Муж уже не встает. Воспалительный процесс так активен, что не берут оперировать. Это ждет и Сергея, если не заменим тазобедренные суставы протезами. Только бы он продержался до операции. Живем на три пенсии, половина денег уходит на лекарства для сына. Без вашей помощи мне не найти 246 760 руб. Бога ради помогите! *Валентина Мошкина, Новосибирская область*

Хирург профессор Валерий Прохоренко (Новосибирск): «Болезнь Бехтерева — тяжелейшее заболевание суставов, прежде всего тазобедренных и позвоночника. Исход один: обездвиженность. Без срочного эндопротезирования перспектив у Сергея нет».

Татьяна Ефременко, инвалид 2-й группы, трое детей, безденежье. Нужны лекарства, мебель, бытовая техника. 32 000 руб.

Как-то я иначе себе жизнь представляла. Был родительский дом в деревне, была бухгалтером, в 1988 году родила сына, а потом девочек-двойняшек. Что еще надо? А теперь я и одна из дочек Оля — инвалиды, живем в нищете. Муж безработный. Впятером живем на две пенсии. После онкологической операции мне дают лекарства бесплатно, но они не всегда есть, и надо покупать. Оплачиваю все, что выпишет эндокринолог, и кучу платных анализов. У меня просьба: помогите обновить девчонкам кровати, их-то совсем развалились. Очень нужна стиральная машина с запасом стирального порошка. Я уже не в силах стирать. А Оле оторвало кисть руки. Пять лет назад дети нашли сифон с порошком, и он взорвался. Мы тогда дом продали, деньги ушли на лечение. Ютимся в двух безоконных комнатках в общежитии. Холодильник не работает, электроплиту надо срочно менять. Одежды с обувью нет совсем, а детям стыдно, их дразнят. *Татьяна Ефременко, Ставропольский край*

Начальник отдела горсоцзащиты Наталья Вартанян: «И мы просим за эту семью. Безработные, больные и очень бедные. Татьяну не трудоустроить, муж хватается за любую работу, да рабочих мест нет. Мы выделили им 5000 руб. в 2004 году, дважды выдавали вещи и продовольственные наборы. Больше помочь нечем».

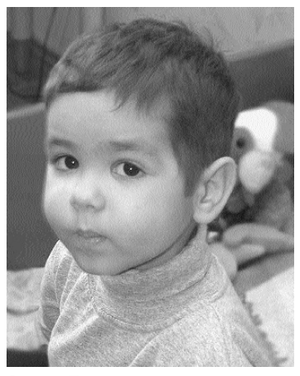
Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Сережа Тропин рисует только ясное солнце

Полтора года назад, спасая от лейкоза Настю Савельеву, читатели „Ъ“ собрали ей в пять раз больше денег, чем надо на поиск в Европе донорского костного мозга. В итоге еще четверым малышам удалось подыскать доноров и выполнить пересадку в Москве. Трехлетний Сережа Тропин — из этой счастливой четверки. Его оперировали в мае 2004 года.

Мы пьем чай с Сережиной мамой Любой Тропиной на кухне московской квартиры, и Люба все допытывается у меня, показывая кипу листков, на каждом из которых ярко-желтое пятно:

— Вот как вы считаете, так бывает, чтобы такая кроха до операции рисовала только темными фломастерами, а после операции рисует только яркие светлые солнышки? Но ведь так оно и есть. Он что, уже понимал, что тогда было смертельно опасно, а теперь впереди светлое будущее?



Сережа Тропин — один из трех сотен больных детей, которых спасли в прошлом году наши читатели ФОТО ВАЛЕНТИНА КОНОВАЛОВА

Люба спрашивает, просто и легко улыбаясь, и я понимаю, что зря боялся, идя на эту встречу. Я боялся этого разговора, потому что не все так ясно у Сережи. Да, все пять малышей (кроме Сережи это Настя Савельева, Максим Матвеев, Вадик Маркунин и Игорь Оболенский), прооперированные на €75 тыс. от читателей „Ъ“, находятся сейчас в стадии ремиссии, как говорят врачи Российской детской клинической больницы (РДКБ). И у каждого реальные, говорят доктора, шансы на полное выздоровление: 50 на 50. Для таких тяжелых случаев это очень хорошие шансы. Но все-таки это 50 на 50.

Была и еще одна причина. До Сережи у Тропиных была дочь Алина. Она умерла восемь лет назад. Она тяжело заболела в первый же год, и в Ханты-Мансийском автономном округе, откуда Тропины, и в Тюмени ее лечили от разных болезней, даже удалили селезенку. А правильный диагноз Алине поставили только в Москве, в РДКБ: гемофагоцитарный лимфогистиоцитоз, то есть рак. Его травили «химией», но спасти девочку могла только трансплантация чужого костного мозга. Эти операции в России еще не делали. Пролежав в Москве год, Алина умерла дома, в поселке Луговой, как раз в ночь на Рождество 1997 года.

И вот Люба совсем без надрыва рассказывает мне об Алине, а Сережа сидит у нее на колене, задумчиво смотрит на меня и урчит автомобилем.

— Мы долго не решались завести ребенка, хотя очень хотели. А потом в институте генетики нас обнадежили, и мы рискнули.

Сережа родился здоровым. Заболел он только в год и восемь месяцев. Температура, геморрагическая сыпь — кровоподтеки по всему телу. Все повторилось.

В октябре 2003 года, когда Люба опять приехала в РДКБ, у наших докторов уже имелся опыт пересадки чужого костного мозга. Они провели четыре трансплантации, в том числе две с благополучным исходом. Только надо было найти €15 тыс.— столько стоит поиск неродственного донора в Международном регистре в Германии. Когда Люба обратилась за помощью к землякам-нефтяникам, ее спросили: «Есть гарантия, что спасут?» Гарантии не было. И у нее не осталось надежды.

О публикации Российского фонда помощи в „Ъ“ в сентябре 2003 года Любе рассказали в больнице. Но речь там шла о деньгах на трансплантацию для Насти Савельевой, и Люба как-то не придала значения той статье.

— Я даже не подумала, что ведь и нам кто-то мог бы так же помочь. А тут влетают в бокс и кричат буквально: нашелся человек для твоего Сережки!

Назавтра в больницу пришел тот самый человек, сказал, что он Марк, что все оплатил, что Сережу не бросит и станет помогать и дальше. Тут Люба выдерживает долгую паузу и потом говорит:

— Я его спросила, кто он, в смысле кем работает. А он не понял и отвечает: «Я относительно счастливый человек». А может, и понял, да не захотел говорить, как считаете?

Марк сделал все, как сказал. Узнав, что после пересадки мальчик должен еще год амбулаторно наблюдаться в больнице, Марк снял трехкомнатную квартиру здесь же, на юго-западе Москвы. Тропины делят ее с Маркуниными и Оболенскими, у них у всех одна схема реабилитации. Реабилитация идет строго по протоколу, и в мае Тропины собираются к себе в Сибирь.

Вдруг Люба говорит:

— В России еще только в Питере делают неродственные пересадки. Всего не больше сорока в год на такую страну. А потребность штук 250, представляете?

Тут Сережа перебирается ко мне, и я спрашиваю:

— Так ты счастливый?

Сережа серьезно кивает, а Люба улыбается:

— Он относительно счастливый человек.

ВЛАДИСЛАВ ПАВЛЮТКИН

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $7,3 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».